

МЕТОДОЛОГИЯ

Е.В. БАЛАЦКИЙ

Закономерности и парадоксы социальной эволюции

В статье рассматривается главный парадокс социальной эволюции, связанный с усложнением общества и деградацией отдельных людей. Раскрываются механизмы и тренды, лежащие в основе данного парадокса. Показана роль частных и общих знаний, а также рынков технологий и институтов в развитии негативного режима развития социума. Намечены меры по преодолению сложившегося деструктивного режима социальной эволюции.

Ключевые слова: социальная эволюция, рынок технологий, рынок институтов, знания, законы диалектики.

The article deals with the main paradox of the social evolution. The increasing complexity of society and the degradation of individuals is investigated. The role of the private and public knowledge in the negative mode of social development is revealed.

Keywords: social evolution, technology market, market institutions, the knowledge, the laws of dialectics.

В настоящее время обнажаются некоторые важные тренды развития человечества, которые долгое время были незаметны. Самое интригующее проблемное направление здесь – наложение двух линий эволюции: развития общества и развития собственно человека. Как связаны механизмы этих процессов? Есть ли между ними принципиальные противоречия? Какие следствия вызывают парадоксы в развитии всей системы и ее отдельных элементов? Не является ли капиталистическая система ограничением для дальнейшего поступательного развития человека? В данной статье попытаюсь ответить на поставленные вопросы.

Основное противоречие между эволюцией человека и общества

Один из последних памфлетов против деградации современного человека – книга Ю. Мухина [Мухин, 2011]. Лакмусовой бумагой интеллектуального уровня современных людей, по Мухину, выступают средства массовой информации, в которых сегодня присутствует такое количество ошибок, нелепостей, курьезов и глупостей, что это уже само по себе позволяет сделать вывод об интеллектуальной деградации человечества. От себя добавлю, что помимо логических и содержательных ошибок, в СМИ четко

Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, главный редактор Интернет-издания “Капитал страны”.

просматривается и самая примитивная языковая деградация: большинство журналистов не в состоянии делать правильные ударения в русских словах. Более того, в ряде случаев правомерность нового звучания слов подтверждают филологи, которые, судя по всему, подверглись интеллектуальному разложению в еще большей степени. Между тем это явление показательно. Русский язык всегда отличался повышенной гибкостью, в частности благодаря тому, что при трансформации слова меняется и ударение. Сегодня мы наблюдаем тенденцию к сохранению ударений, свидетельствующую о примитивизации и выхолащивании языка. Про синтаксис и говорить не приходится – даже в солидных изданиях встречается поистине удивительная редакционная безграмотность. И все это в сфере профессионалов!

В основе таких систематических языковых ошибок, совершаемых в массовом порядке, лежит сложность, нелогичность и несовершенство самого русского языка, изобилующего бесконечными исключениями из правил, которые сами по себе весьма условны. Однако, согласно Н. Вашкевичу, неорганизованный, нелогичный язык способствует поляризации интеллекта этноса: в обществе становится много очень умных и много очень глупых людей [Вашкевич, 2004, с. 196]. Механизм поляризации прост: человек, “пробившийся” через сложный, плохо структурированный язык, преодолевает примитивные логические схемы и овладевает навыками получения знаний в любых условиях; индивидум, “споткнувшийся” о сложности языка и не преодолевший их, остается навсегда беспомощным при решении нестандартных логических задач. Таким образом, на поверхности наблюдается простое явление – число людей, не справившихся с родным языком, непрестанно растет. Данный факт позволяет сделать заключение о “массовой дебилизации” российского населения [Мухин, 2011, с. 8]. В дальнейшем я покажу, что современные рыночные институты усиливают роль когорты “глупых” субъектов и, наоборот, нейтрализуют потенциал когорты “умных”.

Проблема возникновения средств массовой дебилизации (по выражению Мухина) поддерживается спросом на них со стороны неграмотного политического истеблишмента и неграмотных широких слоев населения. Сразу замечу, что Россия здесь не уникальна. Похожие явления просматриваются почти во всех странах мира, и в частности в США. Таким образом, можно сформулировать тезис *о наличии тенденции интеллектуальной деградации современного человека*.

Между тем есть и контртенденции. Например, замеры коэффициента интеллекта в 20 странах показывают, что его величина от поколения к поколению растет, то есть человечество как бы умнеет [Мухин, 2011, с. 276]. Хотя такая проверка интеллекта весьма условна и предполагает прохождение неких искусственных тестов, она все равно говорит об определенных положительных сдвигах в ментальности людей. Главное же, конечно, в другом. Нельзя отрицать стремительный прогресс техники и технологий, которые являются плодом интеллекта современного человека. Объем накопленных знаний подчиняется закону экспоненциального роста; число журналов в мире удваивается каждые 10–15 лет. Увеличивается и скорость освоения знаний. Следовательно, имеет место *тенденция роста знаний, технического и технологического уровня общества*. Учитывая, что знания, техника и технологии – порождения человеческого интеллекта, можно утверждать, что имеет место *тенденция к росту уровня общественного интеллекта*.

Коль скоро существуют два тренда в развитии интеллекта – нисходящий и восходящий, то налицо явное противоречие в развитии самого человечества. На поверхности получается системный парадокс, который я буду называть *главным парадоксом эволюции* (ГПЭ): система, то есть некая целостность (общество), поступательно развивается и усложняется (умнеет), в то время как существенная часть ее элементов (индивидуумы) деградируют и упрощаются (глупеют). Как же это объяснить?

Прежде чем дать ответ на поставленный вопрос, укажу, что похожие противоречия были подмечены уже давно. Здесь уместно упомянуть книгу очерков Дж. Лондона “Люди бездны” (1903), в которой убедительно показано сосуществование двух противоречивых тенденций – технологический прогресс и ухудшение условий жизни про-

стого человека: “Цивилизация увеличила во сто крат производительные силы человечества, но по вине негодной системы управления люди в условиях Цивилизации живут хуже скотов. У них меньше пищи, меньше одежды, меньше возможностей укрыться от непогоды, чем у дикаря иннуита на крайнем севере, жизнь которого сегодня мало чем отличается от жизни его предков в каменном веке, десять тысяч лет тому назад” [Лондон, 1994, с. 519]. Учитывая, что низведение большей части населения до состояния животных ведет к их интеллектуальному вырождению, легко видеть прямую аналогию между “парадоксом Дж. Лондона” и ГПЭ. Говоря современным языком, можно утверждать, что социально бедное государство, не проводящее социальной политики по поддержке неимущих слоев населения, приводит к тому, что бедность и интеллектуальная неразвитость человека сливаются в один постоянно разрастающийся феномен. В целом объяснение ГПЭ представляет собой более общую и изощренную схему, чем та, которую предложил Лондон.

Диалектика общих и частных знаний

В основе расхождения эволюционных кривых при формировании личности и общества лежит различие между *общим* и *частным (специальным) знанием*. Дело в том, что знание неоднородно: есть общие знания о мире, и прежде всего об обществе, включающие знание истории, мировоззрение, жизненную философию и моральные установки человека, а есть частные знания о том, что как работает, что где находится, как с этим обращаться и т.п. Специальные знания – это знания узкой профессиональной деятельности, полезные практические навыки. Общие же знания определяют общекультурный уровень человека, его способность пользоваться всеми накопленными достижениями человечества в их принципиальном виде.

ГПЭ вызван двумя разнонаправленными тенденциями – *накоплением частных знаний* и *разрушением общих знаний*. Стремительная специализация знаний позволяет даже примитивным личностям преуспевать в своей узкой профессиональной области, что, в конечном счете, ведет к возникновению новых технологий. Тем самым накопление частных знаний приводит к технологическому прогрессу, который делает общество сильнее, а жизнь легче и комфортнее. Недостаток же общих знаний чреват падением способности людей адекватно реагировать на события в общественной жизни. Потеря адекватности и социальной эффективности делает человека и общество более уязвимыми. Иными словами, разрушение общих знаний эквивалентно росту *инфантилизма* и *безответственности* конкретных людей, что ведет к социальному хаосу и регрессу.

Знание специализации знаний для разрушения полноценной личности было замечено давно. Например, характерен известный афоризм Р. Хайнлайна о том, что специализация – удел насекомых. В развитие этого тезиса сегодня можно говорить о двух специфических заболеваниях – *медицинском идиотизме* и *социальном идиотизме*. Медицинские идиоты характеризуются, как правило, тотальной неспособностью к обработке информации, в том числе к получению частных знаний. Однако сегодня известен особый класс людей с поражением интеллекта – ученые идиоты (*Idiot Savant*), то есть люди с ограниченными познавательными способностями. Они могут иметь одну или несколько специфических интеллектуальных склонностей и выполнять соответствующую работу с большим профессионализмом; многие из них страдают аутизмом (поэтому их можно назвать и социальными идиотами). Таким образом, социальные идиоты – люди, способные к приобретению частных знаний, но неспособные к обретению общих знаний, тогда как медицинские идиоты не могут ни того, ни другого. Если медицинские идиоты представляют собой биологический феномен, то социальные идиоты – это порождение общества¹.

¹ Впервые термин “социальный идиот” автор услышал от В. Полтеровича.

Из сказанного недвусмысленно вытекает, что эволюция человечества в своем нынешнем виде ведет к росту доли социальных идиотов. С этим выводом корреспондирует “экстраполяция Н. Бабица”, согласно которой по мере социальной эволюции доля шизофреников в обществе растет, итогом чего, в конечном счете, будет общество тотальной шизофрении². Однако тотальный социальный идиотизм, скорее всего, обществу не грозит, хотя сама тенденция движения к этому состоянию весьма симптоматична и ее нельзя сбрасывать со счета.

Но как могут сочетаться такие противоречивые тенденции, как рост частных и разрушение общих знаний? Оказывается, они во многом взаимозависимы и комплементарны. Так, рост частных знаний ведет к созданию новой техники и новых технологий, а техника берет на себя определенные функции и обязательства человека. Тем самым индивидuum получает возможность сбросить с себя часть прежних обязательств и стать более безответственным – новые технологии страхуют его. Непосредственный результат такого положения дел – рост антропогенного фактора в нарастающем числе техногенных катастроф. Например, падение самолета почти всегда связано с неадекватными действиями экипажа или технического персонала. Качество самолетов растет, а качество персонала падает. И так во всем. Более общая формула очевидна: качество техники растет, а качество “человеческого материала” – падает.

Таким образом, с ростом рынка технических устройств антисоциальная роль техники становится еще более очевидной. Создание виртуальных миров с помощью компьютерных игр, Интернета и социальных сетей порождает массовый аутизм и социальный идиотизм.

Рынок технологий и рынок институтов

Чтобы понять, какими механизмами поддерживается сосуществование двух тенденций в формировании знаний, надо исходить из того, что частные знания в конечном итоге воплощаются в новых технологиях, которые, будучи *частным благом*, образуют рынок технологий, где складывается их цена и происходит их реализация (продажа). Тот факт, что частные знания получают стоимостную оценку и капитализируются, играет решающую роль в формировании у индивидуумов стимулов к приобретению специальных знаний. При этом возможность экспериментирования и апробации разных технологий позволяют объективно сравнивать и оценивать их эффективность, а это в свою очередь запускает *механизм положительной селекции*, когда на рынке “побеждает” по-настоящему лучшая технология.

В отношении общих знаний ситуация иная. Сами по себе они никому не нужны, а потому их нельзя продать. Но они используются для *упорядочивания* накопленных частных знаний и формирования институтов – правил игры в обществе, норм общественного бытия [Норт, 2010]. Без таких периодических институциональных реформ социальная эволюция становится неэффективной и сопровождается ростом транзакционных издержек. Однако институты по своей природе являются *общественным благом*, а потому частные лица их оплачивать не желают; это делает, как правило, институциональный инвестор, обладающий *властью*. Как правило, источники новых институтов – некие политические и деловые группы, которые используют государство в качестве инструмента для легитимного внедрения институтов. Соответственно, и сами институты “продавливаются” от лица государства, хотя у самого государства никаких интересов, разумеется, нет.

Данный механизм ведет к принципиальному различию между рынком технологий и рынком институтов. В отличие от технологических инноваций институциональные инновации не патентуются, право собственности на них как таковое отсутствует, а

² Данную концепцию Бабиц подробно изложил на семинаре 2006 г. в Российском институте экономики, политики и права в научно-технической сфере (Москва). Бабиц акцентирует внимание на том факте, что в животном мире и среди примитивных народов шизофрения отсутствует как явление; она возникает только в цивилизованном обществе.

потому и право на их использование (имитацию) *бесплатно*. Более того, на международном рынке институтов развитые страны нередко готовы оплатить расходы на внедрение “своих” институтов, конкурируя за право вырастить на новой почве именно свой институциональный продукт [Полтерович, 2001]. Таким образом, тот, кто предлагает новый институт, не только не получает за него денег, но еще и вынужден сам хотя бы частично оплачивать его внедрение. Разумеется, такие инвестиции являются стратегическими, но это не меняет главного: общие знания не только не несут прибыли, но сопряжены с дополнительными издержками.

Подобная специфика рынка технологий и рынка институтов приводит к тому, что *прогрессивные институциональные инновации всегда запаздывают по сравнению с прогрессивными технологическими инновациями*. Так устроена капиталистическая экономика, основанная на частном интересе. Более того, так как общие знания, принимая форму институтов, приводятся в движение стратегическим частным интересом, этот факт уже сам по себе порождает *силовой механизм селекции* институтов. Это означает, что на рынке институтов “выживают” только выгодные тем групповым субъектам, которые обладают наибольшей рыночной властью. В этом случае более эффективные институты могут “выбрасываться” по причине их несоответствия интересам доминирующих рыночных игроков. Следовательно, подобный механизм может порождать *отрицательную селекцию*, когда внедряемые институты не являются Парето-оптимальными (эффективными).

На первый взгляд может показаться, что государство способно придать институциональным инновациям более целесообразный характер. Однако это справедливо лишь отчасти. В современном мире государство следует воспринимать лишь как легитимный инструмент подавления оппортунистического поведения. А кого, когда и в какой степени считать оппортунистом, решают те, кто захватили государство и в чьих интересах оно действует. Аналогичным образом принимаются решения о необходимости и характере тех или иных реформ. Разумеется, в борьбе за главный инструмент (государство) идет борьба групп влияния, учитывается давление масс, но в итоге принимается то решение, которое воплощает в себе интересы самого сильного на данный момент игрока. В рыночной системе это, как правило, некая доминирующая бизнес-группа. В целом же возможность злоупотребления властью при силовом варианте селекции институтов способна порождать сколь угодно сильные отклонения от оптимальных эволюционных стратегий. Схематично диалектика знаний и рынков показана на рисунке.

В сухом остатке имеем следующее. В капиталистической экономике рынки сконфигурированы таким образом, что спрос предъявляется в основном на специальные знания, воплощающиеся в технологических новинках. Общие же знания либо вообще

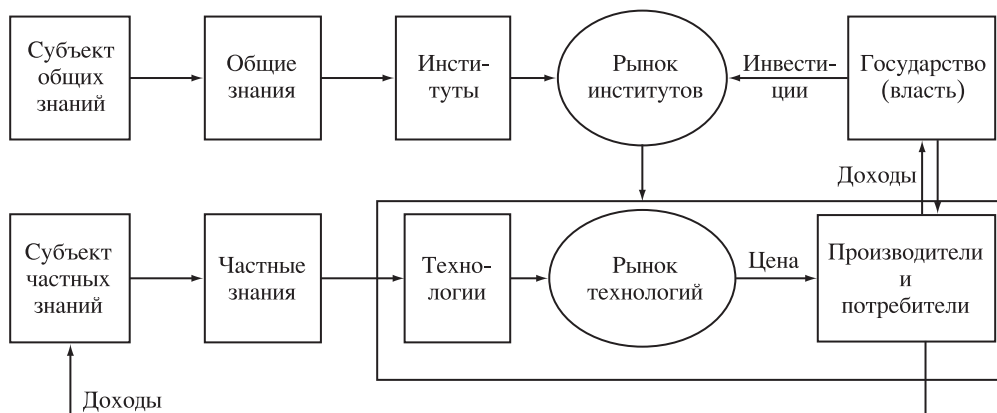

Рис. Диалектика общих и частных знаний на рынках.

не востребованы, либо получают неэквивалентную или вообще сомнительную оценку. Именно этот момент и приводит в действие две разнонаправленные тенденции – *накопление частных знаний и разрушение общих знаний*. Если к сказанному добавить, что накопление общих знаний – процесс чрезвычайно затратный, то и ГПЭ становится вполне понятным и объяснимым³.

Любопытно, что уже З. Фрейд воспринимал человеческую культуру как сумму технологий, позволяющих овладевать силами природы, и институтов, необходимых для регуляции отношений между людьми. Причем если в создании первых человечество постоянно двигалось вперед, то в отношении второго прогресс нельзя констатировать с уверенностью [Фрейд, 2007, с. 14–15]. Иными словами, рынок технологий постоянно совершенствуется, тогда как рынок институтов претерпевает неоднозначные и чрезвычайно медленные изменения.

Рыночные искажения в эволюции социальных систем

Выше было показано, что ГПЭ порождается специфической работой экономических рынков капитализма. Почему так происходит и может ли быть иначе? Аксиомой считается ограниченность экономических ресурсов, а коль скоро это так, то должна объективно возникать конкуренция за них. Успех в конкурентной борьбе ведет к возможности получения некоторого избытка, принимающего в конечном счете форму капитала. Капиталистическая экономика формирует рынки технологий и институтов, которые влияют на динамику и структуру накапливаемых знаний.

Понятие конкуренции – исходная точка экономики и всех последующих искажений. Дело в том, что конкуренция предполагает такие понятия, как успех и неудача. И уже в этой точке возникает возможность серьезной логической аберрации. Прекрасный экскурс в эту проблему был сделан в книге [Липтон, Бхаэрман, 2010]. Например, известны две версии теории эволюции. Согласно Т. Мальтусу и А. Уоллеса, *погибает худший* (слабейший, наименее приспособленный); согласно Ч. Дарвину, *выживает лучший* (сильнейший, наиболее приспособленный). Как известно, возобладала вторая версия, которая и вносит конфликт в эволюционный тренд. Если исходить из концепции Мальтуса и Уоллеса, то смысл эволюции таков: целое (система) выживает за счет гибели ее худшей части (элементов). Соответственно, жизненный императив этой концепции прост: совершенствуйся, чтобы не быть худшим. Если же исходить из концепции Дарвина, то смысл эволюции иной: выживает лучшая часть (элементы) целого (системы) даже ценой гибели целого (системы). Соответственно, и жизненный императив этой концепции звучит по-другому: борись и сражайся за то, чтобы стать лучшим. В первом случае акцент делается на самосовершенствовании, во втором – на подавлении внешнего противодействия. Уоллесовскую (мальтузианскую) концепцию условно можно назвать *холистической* (целое важнее части), а дарвиновскую – *эгоистической* (часть важнее целого) [Липтон, Бхаэрман, 2010, с. 198].

Подвох дарвиновского понимания эволюции состоит в отсутствии критериев того, кого считать лучшим в социальной системе. Если исходить из принципа выживания, то это недвусмысленно подводит к отрицанию всяческих этических норм, ибо собственное выживание важнее системы и принятых в ней правил сосуществования. Кроме того, эгоистичное стремление к доминированию в системе может само по себе привести к гибели системы. Классическим примером тому служит метастазирующий рак, когда раковые клетки побеждают все остальные клеточные образования, но при этом убивают организм, а с ним и среду своего обитания. Согласно А. Менегетти, неоплазия (злокачественное новообразование) обладает сверхмощной жизнеспособностью, которая из-за своей избыточной силы определяется как “вредная”, так как она нару-

³ Единственное рыночное преимущество общих знаний по сравнению с частными – их более медленное устаревание.

шает установившийся в организме порядок [Менегетти, 2006, с. 161]. Частный успех оборачивается системным поражением.

Сегодня в обществе доминирует дарвиновский эволюционный императив. Это приводит к становлению капиталистических отношений, что, в свою очередь, ведет к стремлению обогатиться любой ценой, в том числе за счет эксплуатации других людей. В современном мире обогащение происходит за счет преимущества в эффективности, которое достигается технологическим преимуществом. Соответственно, и нарастание частных знаний идет ускоренным темпом. Однако в такой социальной среде перед человеком встает довольно неприятная и в целом неразрешимая дилемма. Вновь обращаясь к Лондону, ее можно сформулировать как дилемму “дурак–грабитель”: либо тебя грабят и эксплуатируют – тогда ты дурак; либо ты обкрадываешь и эксплуатируешь других – тогда ты грабитель. В такой жесткой конкурентной среде все, что не приносит прибыли, отбрасывается. Однако в этом случае возникает опасность разрушения самой культуры и цивилизации. В этой точке мы сталкиваемся с еще одним противоречием – между человеческим и социальным капиталом [Плискевич, 2012]. Данное противоречие полностью подпадает под диалектику части и целого.

Между тем тупиковость эгоистичной концепции эволюции становится понятной только сейчас. Ранее лежащий в ее основе жесткий императив вполне удовлетворительно работал, порождая технологический и социальный прогресс. Дело в том, что все культурные достижения, как и институциональный прогресс, возникают только по достижении обществом некоторого порогового уровня богатства. В нищете прогресс невозможен, ибо там просто нет ресурсов ни для создания новых частных знаний и технологий, ни для формирования новых институтов. Чтобы выйти из этого порочного круга, возможно, нужна дарвиновская эволюционная концепция конкуренции, которая позволяет построить развитый капитализм. В свою очередь, капитализм призван аккумулировать экономические ресурсы, создать избыток произведенных благ в условиях установившихся цен. Ничего противоестественного в таком развитии событий нет. Однако по мере развития общества все более отчетливо начинает проявляться противоречие между интересами правящей группы (элиты) и масс. Массы в данном случае фактически эквивалентны самому обществу. Власть и ресурсы, сосредоточенные в руках элиты, позволяют во многих случаях игнорировать интересы всего общества (масс). Соответственно, возникает все большая вероятность того, что они будут принесены в жертву интересам элиты.

Однако, как было указано выше, в условиях неэффективных институтов сама элита прекращает быть лучшей частью общества, а следовательно, примат ее интересов приводит к полной инверсии эволюционных трендов. Отныне “элитой” становятся самые эгоистичные члены общества, способные на любые действия ради собственных интересов. Уничтожение частными компаниями гигантских лесных массивов, загрязнение водоемов, истребление животных ради сегодняшних прибылей, развязывание войн – типичные примеры игнорирования системных интересов.

Таким образом, систематическое отставание в создании эффективных институтов по сравнению с созданием эффективных технологий, в конечном счете, приводит к эрозии элиты общества и инверсии изначального смысла социальной эволюции как процесса самосовершенствования индивидов. Если *временной зазор между эффективными технологиями и эффективными институтами* становится слишком большим, то накопленное напряжение в обществе начинает преодолеваться стихийно на базе старых неэффективных институтов, не адекватных новой ситуации. Типичный пример – мировые войны XX столетия. Новый порядок все равно устанавливался, но уже после опустошительных войн. Учитывая возросшую технологическую мощь человечества, очередная тотальная война может привести к таким разрушениям, которые сделают регенерацию человеческой цивилизации либо вообще невозможной, либо возможной в самом примитивном виде. Тем самым эгоистичная эволюционная концепция сегодня уже не срабатывает. ГПЭ с сопутствующим ему комплексом социальных проблем свидетельствует о том, что общество подошло к некоторому крити-

ческому этапу своего развития, когда требуется замена эгоистичной эволюционной парадигмы на холистическую. Почему и как такое происходит?

Здесь сказывается действие диалектических законов. *Исходный институциональный изъян* общества в виде ложной эгоистичной эволюционной интенции долгое время остается незамеченным. Однако в один “прекрасный” момент он становится критическим и приводит к разрушению всего общества. Срабатывает закон перехода количества в качество (ЗПКК). Аналогия эффекта изначального изъяна существует и в технической сфере. Например, в самолете образуется микротрещина; на начальном этапе она не опасна, однако постоянная эксплуатация самолета приводит к тому, что трещина постепенно возрастает, и в условиях повышенной нагрузки она в какой-то момент стремительно увеличивается, вызывая катастрофу.

Основная проблема в описанном процессе состоит в том, что мы не успеваем вовремя идентифицировать кризисный момент. Это связано с тем, что в социальной сфере мы не знаем, когда и как происходит переход количества в качество. Мы это узнаем, как правило, *post factum*, когда уже поздно что-либо менять. Социальные миры уникальны [Балацкий, 2011], а это означает, что у нас нет надежных ретроспективных данных о том, где, как и когда срабатывает ЗПКК. Соответственно, все время возникает синдром запаздывания в идентификации проблемы. Надо сказать, что ЗПКК даже для физических систем не совсем постоянен. Например, мы знаем, что вода закипает при 100° С, однако высоко в горах и в глубоких впадинах эта критическая грань будет иной. В социальных системах все на порядок сложнее.

А каков механизм действия эффекта изначального институционального изъяна? Он видится следующим образом. Эволюция общества приводит к его постоянному *усложнению* – растет население, увеличивается число социальных связей и т.д. Это диктует необходимость упорядочивания общества путем создания различных *иерархий*. Грубо говоря, в стране должны быть президент, министры, губернаторы и т.п. А вот механизм замещения этих должностей базируется на той или иной эволюционной концепции. В условиях неэффективных институтов процесс отбора нужных людей становится не целенаправленным, а почти случайным – кто ближе к соответствующему месту оказался в какой-то момент времени, тот и будет назначен на должность. А ближе оказываются, как правило, те, кто руководствуются философией успеха. После своего назначения они, будучи озабочены эгоистичными интересами, начинают использовать полученную иерархическую позицию не в общественных интересах, что предполагает сама должность, а в личных целях. В результате неадекватное использование иерархии приводит к разрушению самой иерархии и всего общества. Так разворачивается системный кризис. Именно в этом кризисе пребывает сегодняшняя Россия.

Разумеется, описанный пример неэффективных иерархий наблюдается повсеместно. Он охватывает процесс получения власти во всех организациях, включая крупнейшие корпорации. Руководство корпораций выдвигает своих людей в политику и на ответственные государственные посты. В результате вся административная сеть социума оказывается пронизана узкими эгоистичными интересами. Например, сегодня в России почти все ключевые посты во власти и бизнесе находятся в руках бывших представителей внешней разведки [Яшина, 2012⁶]. Причем в развитых западных странах происходит то же самое. Аналитики отмечают, что сегодня разведка во всех странах работает не на абстрактные интересы государства, а на частные корпорации и их узкие интересы, а также на собственные интересы самих представителей разведки [Яшина, 2012⁴].

Глобальная неэффективность социальных иерархий, состоящая в их неспособности к упорядочению социума в интересах самого социума, изменяет роль такого важнейшего института, как государство. Отныне государство перестает быть самостоятельным агентом, выражающим интересы целого (социума) через интересы большинства, а превращается в *инструмент* подавления самого этого целого в интересах тех, кто захватили данный инструмент. Если государство оказывается в руках людей,

исповедующих эгоистичную концепцию эволюции, то оно перестает выполнять регулирующую функцию. Это означает, что общество теряет возможность согласования интересов различных социальных групп и его интегрирующая функция ослабевает, а уязвимость социума растет.

Любопытно, что современные экономические кризисы вызваны несоответствием реальности и представлений о ней. Между тем подобные несоответствия продуцируются эгоистичными надеждами и ожиданиями экономических агентов, которые хотят такой доходности на свой капитал, которая в сложившихся условиях просто не может быть получена.

Ситуация усугубляется тем, что в условиях постоянного нарастания сложности социума все чаще возникают так называемые “черные лебеди” – непредсказуемые единичные события, имеющие непропорционально большое влияние на мир [Тaleb, 2009]. Фактически они являются очередным результатом перехода количества в качество. Когда многие люди думают и работают в одном направлении, возникает новая технология или новое социальное решение, которые в силу своей субъективности, непредсказуемости и неожиданности играют роль внешних шоков [Балацкий, 2010]. Каждый “черный лебедь” требует адекватной реакции со стороны общества, однако при неэффективности институтов и доминировании эгоистичных интересов подобная адекватность становится все менее вероятной. Рано или поздно подобные “черные лебеди” доведут социальную систему до саморазрушения.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что капиталистическая система, базирующаяся на эгоистической концепции эволюции, порождает рыночные искажения в социальной системе, которые со временем становятся все больше. В настоящее время указанные искажения достигли такого масштаба, что угрожают существованию самой социальной системы. Об этом красноречиво свидетельствует обострение ГПЭ, ухудшение экологии, долговые кризисы, охватившие многие страны мира, и прежде всего США, череда арабских революций, проблемы Евросоюза, и пр. Выход из создавшегося положения видится в изменении ментальности людей, замене старой дарвиновской доктрины эволюции, ставящей во главу угла феномен конкуренции, холистической доктриной, делающей акцент на процессах сотрудничества и кооперации. Насколько реалистичны такие изменения? Что для этого необходимо?

Экономика vs духовность

Нельзя не заметить того факта, что все пророки современных мировых религий в той или иной форме проповедовали отказ от богатства и внешнего успеха. Тем самым они предостерегали людей от погружения в мир экономики. Правда, впоследствии отчасти католичество, а в более откровенной форме – протестантизм, перевернули исходные призывы пророков и согласовали религиозные принципы со стремлением к обогащению. В изначальной же форме религиозность и обогащение были несовместимы. В чем же причина этой несовместимости?

Примат частных (специальных) знаний, который действует в современном мире, – типичное следствие сугубо экономического образа мышления. Если люди жаждут обогащения, а продать можно только частные знания, то в обществе естественным образом устанавливается приоритет частных знаний по сравнению с общими. Но это означает главенство эгоистического взгляда на эволюцию, когда часть важнее целого; примат общего знания, наоборот, предполагает главенство холистического подхода к развитию, когда целое важнее части. Таким образом, стремление к обогащению автоматически отодвигает на задний план общие знания и порождает жесткий антагонизм между отдельными людьми, а также между человеком и обществом. Иными словами, пророки пытались донести до человечества холистический взгляд на мир. Не удивительно, что мерило истинной религиозности человека – его любовь к ближнему. Фактически это означает, что индивид должен каждую частичку социальной системы любить так же, как самого себя. А это и есть апофеоз холистического мировосприятия.

Есть и еще одно фундаментальное, “сингулярное” противоречие между экономической деятельностью и духовностью. На мой взгляд, наиболее полно и логично оно просматривается в ведических текстах Древней Индии. В общих чертах (см. [Хоули, 2011]) ситуация обстоит следующим образом. Достигнуть духовности и духовного освобождения можно только лишь путем преодоления кармы, под которой понимается обобщенный закон причинно-следственных связей (ПСС). Наличие ПСС и их наслаивание друг на друга образует так называемое *колесо сансары*. В свою очередь наличие такового ведет к бесконечной трансформации материи и круговороту перерождений субъекта. Достичь состояния духовности, то есть чистого сознания, можно лишь разомкнув колесо сансары и преодолев карму. Только в этом случае возникает состояние ничем не обусловленного бытия, характеризующееся абсолютной свободой от окружающего мира и всей природы. Главным способом размыкания колеса сансары выступает осуществление *жертвы*, под которой понимается действие, не предусматривающее какой-либо отдачи, то есть бескорыстное деяние без дальнейших последствий. Наличие действия без причины и следствия приостанавливает карму. Выстраивание жизни в виде бесконечного жертвоприношения позволяет приблизиться к некоему Абсолюту – чистому сознанию, Духу. Однако экономическая деятельность по определению есть деятельность, основанная на учете *эффективности*, то есть на соизмерении результатов и затрат, на сопоставлении действий и их следствий. И чем выше эффективность, тем выше *отдача* от осуществленных действий и вложенных ресурсов⁴. *Ното эконопис* старается максимизировать отдачу, выстраивая тем самым сверхмощные причинно-следственные цепочки в хозяйственной жизни, что эквивалентно сознательному перманентному конструированию кармы и колеса сансары. Таким образом, экономическая деятельность противоречит достижению духовности.

К сказанному можно добавить, что само представление о духовности как особом способе мироощущения есть разновидность общего знания, тогда как все экономические решения – действия, основанные на частных знаниях. В этом смысле духовный и экономический миры противостоят друг другу, ибо за ними стоит соответствующее противостояние между общим и частным знанием, между холистической и эгоистической эволюционными концепциями.

Однако было бы неверно только лишь жесткое противопоставление экономики и духовности. В реальности противоречие между этими двумя видами деятельности должно как-то преодолеваться. Надо сказать, что религии нашли способ диалектического разрешения указанного противоречия. Например, “Бхагават Гита” это делает следующим способом. Человек должен трудиться и выполнять тем самым свой мирской долг, но при этом он должен действовать в соответствии со своей индивидуальной природой. Для этого ему следует выбрать себе такие обязанности, которые максимально соответствуют его склонностям. Действуя так, он будет затрачивать меньше усилий (то есть будет более эффективен!), а значит, сможет в большей степени высвободить свое сознание (и все витальные ресурсы!) для постижения духовных истин. “Единственный способ для человека отработать карму – это следовать собственной природе” [Хоули, 2011, с. 210, 214]. Тем самым даже духовный путь предполагает максимизацию экономической эффективности.

В заключение хотелось бы еще раз вернуться к принципу жертвы и его предельному аспекту, когда жертва перерастает в подвиг. Как правило, подвиг сопряжен с жертвой не частных интересов и витальных ресурсов человека, а всей его жизни во имя высших целей. Таковы, например, деяния Иисуса Христа, Джордано Бруно и других выдающихся мучеников человечества. Чем можно объяснить их поступки? Только одним – холистическим мировоззрением, когда они сознательно жертвовали собой (частью) ради всего социума (целого). Как справедливо писал Р. Тагор, они жертвовали своим *я* ради любви к человечеству [Тагор, 2011, с. 31]. Именно такие поступки являются эволюционными,

⁴ В английском языке используется даже специальный термин – *return* (возврат). Тем самым в экономике постулируется факт возвращения любого благодеяния, следовательно, любое деяние выгодно.

ибо воплощают в себе согласование целей индивидуума и общества. Возведение величественных храмов, стройки века, покорение космоса, победа в войне – все это невозможно без больших жертв, приносимых конкретными людьми.

Характеристики нового режима развития

Предварительно коснусь вопроса о том, насколько естественна ситуация примата частных знаний над общими. На мой взгляд, это абсолютно естественный процесс. Знание по своей природе индуктивно – оно растет от частного к общему. Иными словами, любое обобщение возможно только на основе уже имеющихся частных знаний. Следовательно, *эволюция – это процесс обобщения частных знаний*. В каком-то смысле эволюция ведет нас к некоему единому знанию, некоему информационному Универсуму. Поэтому и примат частных знаний безальтернативен, а запаздывание общих знаний – неизбежно.

Любопытно, что джнана-йога и Г. Гегель предлагают идеалистические версии эволюционного цикла, в которых изначальный Дух творит материю во всем ее разнообразии. В процессе инволюции материя все больше отдаляется от Духа, все больше дифференцируется и уплотняется; достигнув же критической точки в этом процессе, материя начинает обратный процесс – эволюцию, то есть возврат к исходной точке возникновения путем роста духовности в каждой своей части. На этой траектории каждый индивидуум повышает уровень своего осознания посредством познания все более обширных классов систем, на вершине которых находится сама Вселенная и Дух [Балацкий, 2009]. Такой ход событий эквивалентен все большему обобщению знаний. Что можно изменить в этом процессе?

Ответ: только отношение к нему человека. Иначе говоря, преодоление ГПЭ возможно только на базе пересмотра существующей эгоистичной концепции социального развития. Каковы же основные черты нового представления о социальной эволюции? Какими должны быть принципы общественного бытия?

Прежде всего следует отбросить миф о том, что в долгосрочной перспективе возможно развитие целого при деградации его частей. Долго такое продолжаться не может. В последние тысячелетия развитие человека шло по линии развития интеллекта, сознания; другие направленные физиологические сдвиги не обнаружены. Общество не имеет своего собственного интеллекта (сознания), так же как оно не имеет своей психологии. Сознание присуще только конкретному человеку. А потому развитие общества предполагает развитие каждого конкретного человека; в противном случае мы можем наблюдать усложнение общества, накопление им частных знаний и материальных артефактов, но все это еще само по себе не говорит о развитии социума.

В этой связи уместно вспомнить Й. Шумпетера, который, критикуя К. Маркса, подчеркивал умозрительность понятия “классовое сознание”. По мнению Шумпетера, каждый рабочий стремится стать мелким буржуа, опираясь на помощь политической силы [Шумпетер, 2011, с. 22]; никаких общих интересов и общего сознания у пролетариев нет. По аналогии можно говорить, что уровень интеллекта общества, в конечном счете, определяется уровнем индивидуального интеллекта его отдельных членов. И если последний падает, то падает и первый. А коль скоро это так, а интеллектуальная деградация человека связана с диссипацией общих знаний и опорой на эгоистическую концепцию эволюции, то именно эти два момента надо обратить вспять.

В связи со сказанным первым шагом представляется *перестройка индивидуальной психологии* современного человека. По выражению Б. Липтона и С. Бхаэрмана, “новый уровень объединенного сознания подразумевает максимальное индивидуальное самовыражение ради максимального блага всех” [Липтон, Бхаэрман, 2010, с. 213]. Возвращаясь к теме пророков, напомним и очень точное суждение Э. Фромма, согласно которому учителя прошлого передавали не столько *частные знания*, сколько *общие установки*. И если эта традиция передачи из поколения в поколение определенных человеческих качеств будет нарушена, то, по мнению Фромма, пятитысячелетняя культура погибнет, даже если частные знания будут по-прежнему передаваться и обогащаться [Фромм, 2011, с. 193–195].

Второй шаг связан с систематическим *пересмотром понятия экономической эффективности*. Традиционное понятие таковой основано на *избыточной напряженности* рассматриваемой системы, когда осуществляется ее жесткая оптимизация: максимизация результата при заданных ресурсах или минимизация издержек при заданном результате. И в том и в другом случае система работает на пределе своих возможностей, что обеспечивает максимальную эффективность, но делает ее чрезвычайно уязвимой. По мнению Талеба, в природе действует принцип *разумной избыточности*, которая выступает в качестве необходимой *страховки* [Талеб, 2012, с. 17]. Следовательно, понятие экономической эффективности должно стать более общим и сложным, учитывающим необходимость разумной избыточности⁵.

Любопытно, что сегодня в экономической науке уже существует более тонкая градация эффективности. Например, каждое действие или мероприятие может быть оценено тремя показателями: коэффициентом *адекватности* (оценивает осмысленность поставленных целей), коэффициентом *результативности* (оценивает степень выполнения поставленных задач) и коэффициентом *эффективности* (соизмеряет результаты и затраты) [Балацкий, 2007]. В совокупности с пересмотренным понятием экономической эффективности такая схема дает хорошую основу для холистической оценки действий организаций и субъектов. Помимо этого имеет смысл вообще переходить к сугубо холистическим показателям эффективности, которые оценивают последствия не только для конкретного агента, а для всей социальной системы. К сказанному можно добавить, что необходимо также пересматривать измерители учета социальных *рисков*. Нынешние аналитические инструменты только способствуют рождению непоправимых ошибок [Талеб, 2012].

Однако никакое понимание и никакая оценка сами по себе не изменят нынешней ситуации и не ликвидируют ГПЭ. Для этого необходимо осуществить третий шаг в виде повышения *личной ответственности* каждого человека за свои действия [Мухин, 2011; Талеб, 2012]. Тут существует множество способов, но главное состоит в том, что допустивший ошибку в управлении, не должен продолжать управлять. Сегодня этот принцип чрезвычайно важен, ибо мир буквально погрузился в море безответственности. Например, сегодня помимо “акционерных пузырей” по всему миру надуваются “долговые пузыри”, которые ведут к разрушительным долговым кризисам. США и многие страны Европы уже попали в эту долговую ловушку из-за нежелания жить по средствам и принимать ответственные решения.

Четвертым шагом должна стать стратегия *локализации ошибок*. Речь идет о необходимости ограничивать зоны распространения неизбежных ошибок, не давая им распространяться по всей социальной системе [Талеб, 2012, с. 36]. Для этого нужно ограничивать размер предприятий, следует создать симметричную систему поощрения и наказания за успехи и неудачи, в которой не было бы приватизации прибылей и национализации убытков [Талеб, 2012, с. 125]. В этом же русле лежит необходимость поддержки биологического, культурного и экономического разнообразия, что предполагает ограничение глобализации посредством более взвешенных решений о целесообразности перемещений в пространстве и переходе на унифицированный (английский) язык, и т.д. [Талеб, 2012, с. 27].

Разумеется, названные принципы не исчерпывают набор методов по приведению в соответствие двух трендов развития цивилизации – разрушению общих и накоплению частных знаний. Главное, на мой взгляд, состоит в следующем: необходимо сознательно замедлить экономический рост и рост населения для обеспечения большей устойчивости социальной системы. Уже сегодня мы наблюдаем рост волатильности во всех областях и сферах жизни. Наиболее впечатляют рекордные перепады температуры и давления в Москве и Московской области в 2010–2012 гг. Не менее впечатляющей была дисперсия экономических характеристик в 2008–2010 гг., включая цены

⁵ В [Балацкий, 2006] показано, что состояния оптимума и равновесия в экономической системе могут существенно различаться. В современном мире предпочтение отдается оптимуму, однако не исключено, что пришло время пересмотреть данную позицию в пользу равновесия. Это позволит уменьшить общее напряжение в системе.

на нефть. Выход значений ключевых показателей за пределы “полосы жизнеобеспечения” станет не совместим с дальнейшим продолжением жизни человечества.

Выше я говорил, что переход к новому режиму развития предполагает кардинальный пересмотр доминирующего эгоистического взгляда на мир. Однако воспринять новую картину мира вряд ли смогут все люди. В связи с этим правомерен вопрос о том, чтобы новое мировоззрение возобладаало хотя бы в некоторой социальной группе, которая образует властную элиту. Однако в стратегическом отношении такая ситуация все равно временная, ибо порождает высокую политическую неустойчивость. Дело в том, что ориентация масс на частные знания ведет к *систематическим ошибкам* с их стороны. Например, политики используют поддержку известных и популярных людей, базируясь на восприятии избирателем частных фактов; то же самое происходит, когда, скажем, киноактеры идут в политику и охотно избираются населением. Более того, политики часто используют следующую нехитрую “теорию малых дел”: совершают много хороших, но частных поступков (например, помогают деньгами кинематографистам, детским домам, спортивным учреждениям и т.п.) [Мельников, 2012]. Электорату в этом случае видны многочисленные частные благодеяния, но он не обращает внимания на то, что в целом тот или иной политик совместно с коллегами разрушает социальную систему. Иными словами, примат частных знаний в массах позволяет легко ими манипулировать. Если не изменить эту ситуацию, то ГПЭ будет продолжать свою разрушительную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В.* Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5.
- Балацкий Е.В.* Концепция масштабирования социальных явлений Н. Талеба и ее приложение // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4.
- Балацкий Е.В.* Неравновесные цены и гибкость экономических рынков // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 6.
- Балацкий Е.В.* Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // *Общество и экономика*. 2007. № 5–6.
- Балацкий Е.В.* Экономическая теория эволюции личности // *Человек*. 2009. № 5.
- Вашикевич Н.Н.* За семью печатями. Тайны происхождения языка. Библейские символы. Русская фразеология. М., 2004.
- Литтон Б., Бхаэрман С.* Спонтанная эволюция. Позитивное будущее и как туда добраться. М., 2010.
- Лондон Дж. Мартин Иден.* Роман. Люди бездны. Очерки. Харьков, 1994.
- Мельников А.В.* Путин, массовый психоз и теория малых дел // *Капитал страны*, 21.02.2012.
- Менегетти А.* Монитор отклонения в человеческой психике. М., 2006.
- Мухин Ю.* Тирания глупости. СПб., 2011.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
- Плискевич Н.М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М., 2012.
- Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3.
- Тагор Р.* Садхана. Творчество жизни. М., 2011.
- Талеб Н.Н.* О секретах устойчивости. Эссе; Прокрустово ложе. Философские и житейские афоризмы. М., 2012.
- Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.
- Фрейд З.* Человек Моисей: психология религии. М., 2007.
- Фромм Э.* Искусство любить. М., 2011.
- Хоули Д.* Бхагавад Гита. От страха и страданий – к свободе и бессмертию. М., 2011.
- Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М., 2011.
- Яшина Г.А.* Разведка и экономика: смена приоритетов // *Капитал страны*. 26.01.2012^а.
- Яшина Г.А.* Спецслужбы в российской экономике и политике // *Капитал страны*. 25.01.2012^б.